

ОБРАЗ ХРИСТА В ПОЭМЕ БЛОКА "ДВЕНАДЦАТЬ"

Марта Гал

/Сегед/

Поэзия А. Блока -- это "миф о пути /.../ из мира индивидуального в всеобщий мир"¹.

По миропониманию А. Блока первого творческого периода, периода "тезы", сущность трансцендентного мира проявляется в предметах и явлениях окружающей человека хаотической действительности, они функционируют как знаки трансцендентного. Но знаками они становятся не для всех, только для отдельного субъекта, который воспринимает их именно как намеки на скрывающуюся за хаотической поверхностью явлений мистическую сущность. Таким образом, с точки зрения символиста, кроме трансцендентного, важны с одной стороны -- реалии, а с другой стороны, человек, который с помощью впечатления, импрессии от данного предмета или явления "познает" сущность. Для символиста стремление к идеалу, к трансцендентной сущности, как и искусство оказываются формами мистического познания.

Начиная с раннего творческого периода в центре внимания поэта находится человек, его импрессии, его путь к познанию. В первом периоде творчества Блока человек является антитезой трансцендентальному, частицей хаоса, хотя он, с помощью интуиции, стремится перейти границу рационального познания. Мистическое служение, поэтическое созерцание трансцендентной сущности воспринимаются поэтом как способы познания. Во втором периоде творчества человеческая личность, человеческая душа распадается на разные противоборствующие элементы, большое значение приобретает для Блока действующая как в природе, так и в человеке стихийность. Стихийность является амбивалентной ценностью: ее внутренний динамизм возникает из скрывающихся в ней разлагающих и создающих тенденций. Для лирического субъекта периода "антитезы" Блока характерны таким образом, с одной стороны, созидание -- творчество, а с другой стороны, потери прежних ценностей -- разрушение, забвение. Ирония, которая содержит в себе "скепсис",

"принадлежность рассудка", становится для Блока одним из творческих принципов, и по логике его миропонимания -- одной из возможностей познания мира³. С помощью "трансцендентальной иронии" /III, 384./⁴ релятивируется, с одной стороны, банальность бытовой сферы, а с другой стороны, -- отъединенность лирического сознания как от жизни, так и от мистического идеала. Лирический субъект, переживая и осознавая с помощью иронии свое трагическое положение, релятивируя разные, живущие в нем противоборствующие тенденции, в некоторой степени возвышается над ними.

В третьем периоде творчества, в периоде "синтеза" уже не отдельная человеческая душа, не отдельный индивидуум, а общечеловеческое в центре внимания поэта. Человек появляется в это время как составляющая часть народа, часть основной созидательной силы. Таким образом главные темы "синтеза": тема человека, тема родины и истории, тема будущего связаны между собой в творчестве Блока. Спиралеобразное движение в истории и в жизни человека, для которого характерно повторение отдельных элементов прошлого на новом уровне развития, связано с космическим музыкальным началом бытия⁵. По словам Блока "всякое движение рождается из духа музыки, оно действует проникнуто им..." /IV, 344./, а носителем "духа музыки является для него народ, "хранитель культуры" /IV, 344/.

Поэма "Двенадцать", которая является завершающей период "синтеза" Блока, передает музыку революции, а с помощью этой музыки изображается процесс крушения старого и рождение из хаоса нового космоса, новой гармонии. Характерные черты положительных ценностей этого периода творчества Блока -- преобразование, "движение", являющиеся одновременно и свойствами живой жизни.

Период "тезы" характеризует сравнительно гармоническое состояние лирического субъекта, проявляющееся прежде всего в стремлении к трансцендентному, которое раскрывается для индивидуума через сферу Мировой Души, через женское начало, носительницы отдельного человека и всего человечества. Во втором периоде -- эта аполлинийская гармония разрушается: человеческая душа раздроб-

ляется, Каждая из сторон человеческой души, став самостоятельной, оказывается односторонней, имеет свою противоположность, каждая из которых лишена человеческой целостности. Дисгармонию этого состояния выражает прежде всего круговое движение, "вечное возвращение", передавая чувство безысходности по причине раздробленности внутреннего мира.

Если в периодах "тезы" и "антитезы" в центре внимания Блока лирический субъект, внутренняя гармония или конфликты отдельного человека, то в периоде "синтеза" человек как таковой, общечеловеческое становится для него самой высокой ценностью. Художник как избранник продолжает играть в его творчестве большую роль. Об этом свидетельствует его речь в честь Пушкина "О назначении поэта", в которой он четко формулирует роль поэта:

"Поэт -- сын гармонии, и ему дана какая-то роль в мировой культуре. Три дела возложены на него: во-первых, освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают, во-вторых, привести эти звуки в гармонию, дать им форму, в-третьих, -- внести эту гармонию во внешний мир". /IV. 414./

Творческое дело поэта сродни божественному творению /ср. речь "О назначении поэта": "бог -- Моцарт"/. Только художник способен ощущать и синтезировать "звуки" первоначальной хаотической стихии, все-таки в этот период творчества не художник воплощает для Блока "человека по преимуществу".

Блок одновременно с поэмой "Двенадцать" пишет наброски к пьесе о Христе /ср. V, 232--233./ . Здесь он четко определяет свой подход к Христу, который лишен обычной религиозности. Блок и раньше часто подчеркивал, что он не верит в бога /VI. 48., 75., 83., 123./, пишет о том, что Христа "не знал никогда" /VI. 66./ и не примет его /VI. 82./ . Христос в это время для него прежде всего "вестник нового мира" /"Каталина" V. 280./, "художник" /V. 233./ . Как и в лирической драме третьего периода творчества, в "Розе и Кресте", так и в "Двенадцати" выразителем прекрасного, настоящей нравственности является художник "Гаэтан и Иисус Христос". Но в лирической драме поэт Гаэтан остается "чис-

тым зовом", "призраком" /III. 390./, он сам не борется за прекрасное, за осуществление своего идеала. Его песня выражает синтетическую суть человечности: "Радость-Страдание одно!" /III. 210./, В то же время он не понимает смысла реальных событий, не принимает участие в них. А "человек по преимуществу", у которого "квадратная внешность и не квадратная душа" /III. 419./, Бертран, является для Блока носителем настоящих ценностей, -- его характеризуют душевная чистота, честность, жертвенность в любви. Униженный всеми персонажами пьесы "бедный рыцарь" Бертран, в отличии от героев лирических драм 1906 года, изменяется в ходе действия, в конце пьесы доходит до понимания смысла жизни, становится настоящим человеком. Становление человека происходит через понятие жертвы для счастья других, через страдание, через активное участие в жизни,

Для Блока в периоде "синтеза" этически прекрасное является высшей ценностью. В его раннем творчестве идеал носит уравновешенный эстетический характер. В периоде "антитезы" наряду с прекрасным появляется безобразное, а в периоде "синтеза" на первый план выдвигаются этические ценности. Характерной с этой точки зрения является дневниковая запись от 4, марта 1918 года: "Если бы в России существовало действительное духовенство, а не только сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно давно бы "учло" то обстоятельство, что "Христос с красногвардейцами". Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нем". /V. 245--246./.

В то же время сложный образ молодой красавицы, Изоры, которая стремится в ходе действия только к осуществлению собственной радости, которая борется только за свою страстную любовь к недостойному, поверхностному человеку, связывается с символом жизнерадостности и красоты, -- с символом розы. Но Изору в будущем -- кажется -- тоже ожидает страдание -- крест. Таким образом через страдание, путем освобождения от стихийности, в процессе внутреннего преображения происходит становление человека, а сам процесс оказывается динамичным, характеризуется внутренним движением.

Исследователь творчества Блока Е.Г. Эткинд доказал, что поэма "Двенадцать", с одной стороны, строится на принципе концентрических кругов, на принципе возвращения тех же мотивов и структурообразующих элементов, а с другой стороны, -- заметно и прямолинейное движение вперед⁶ как во времени, в пространстве, в истории, так и во внутреннем мире человека⁷. В поэме изображена личная драма только одного из "двенадцати", Петьки, при убийстве Катьки. Но число 12 имеет символическое значение, с ним ассоциируется, между прочим, и "целостность", "нераздельность". Таким образом, судьба Петьки воспринимается как судьба всех других двенадцати красногвардейцев, а далее -- народных масс. Петька, и вместе с ним и отряд, -- очищаясь от стихийной страсти, с помощью страдания постепенно начинают приобретать черты настоящей человечности, становятся "апостолами" революции, "апостолами" преобразования действительности.

В поэме красногвардейцы -- это народ, его разрушительные и созидательные силы. Именно они являются носителями музыки эпохи. Представляемая ими стихийная сила⁸, подобно ветру, метели, циклону, вступает в борьбу со старым миром, с его неподвижностью и индивидуализмом. О стихийной основе, о преобразующей силе революции Блок пишет в статье "Интеллигенция и революция":

"Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда такие замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, это называется революцией". /IV. 232./.

Но в начале поэмы и двенадцать красногвардейцев связаны с прошлым, с хаосом, с безобразием: в их душе действует "черная злоба". Злоба является темной, разрушительной стихией, она -- "великий соблазн" /IV. 265./."Злоба низка по сравнению с "гневом", в котором проявляется "знание о величии эпохи" /IV. 265./."Гнев" нужен художнику для разрушения явлений "мертвого" прошлого /IV. 265./."Цивилизация, ... государственность, ... религия" этого мира "умерли" /IV. 264./.

Отряд краногвардейцев в начале поэмы состоит из таких людей, которыми овладела злоба, которые готовы совершать убийства /ср.: "На спину б надо бубновый туз!" II. 315./ . Петька -- единственный персонаж, любовная драма которого изображена в "Двенадцати", тоже не чистый человек, его прошлое связано с символом "ножа", с убийством:

"У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа!" /II. 317./,

и ниже: "Помнишь, Катя, офицера --
Не ушел он от ножа..." /II. 317./.

Овладевшая им стихийная сила -- злоба -- делает его убийцей любимой им Катьки. /6-ая главка/. После убийства потеря возможного счастья возбуждает в нем гнев против того мира, в котором деньги погубили человеческие чувства:

"Ты лети, буржуй, воробышком
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку..." /II. 320./

С проблемой злобы" в поэме Блока тесно связана основная цветовая символика произведения. "Двенадцать" начинается с противопоставления черного и белого цветов:

"Черный вечер.
Белый снег." /II. 313./.

В первых двух строках краски появляются как характеристика природы⁹, но уже в конце первой главки черный цвет /и по контрасту, конечно, и белый/ получает более отвлеченное значение, с этическим обертоном:

"Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба..." /II. 315./.

В первой главке на фоне ночного городского пейзажа изображаются разные представители старого мира, которые не способны к обнов-

лению жизни.

Чтобы более точно определить значение черного цвета, можно обратиться к Андрею Белому:

"Черный цвет -- пишет он в "Арабесках" -- феноменально определяет зло, как начало, нарушающее полноту бытия, придающее ему призрачность"¹⁰.

По Белому, представляемое черным цветом зло -- это разрушающее этическое начало, которое ведет в конце концов к небытию, а противоположность его -- белый цвет -- символизирует бытие:

"Если белый цвет -- символ воплощенной полноты бытия, черный -- символ небытия, хаоса"¹¹.

В поэме Блока природные и народные силы стремятся от первоначального "черного" к "белому", что создает перспективу. На этой основе можно даже предположить, что в поэме Блока не только Христос проявляется как художник, но и "ученики", принимающие участие в творческом деле, постепенно приобретают свойства, характерные для художника. С этой точки зрения интересно процитировать мысли А. Блока о стихотворении Некрасова "Поражена потерей невозвратной": "Злоба -- самый чистый источник вдохновения"¹². Для творчества, для созидания важно, таким образом, и хаотическое старое, так как только "из хаоса рождается космос" /IV. 419./.

Четыре раза повторяющееся слово "злоба" в конце первой главы имеет эпитеты "грустная", "черная", "святая", два последних из которых по значению, кажется, исключают друг друга. Чувство грусти связано с необходимостью уничтожения, которое символизируется чернотой. Возникает вопрос, почему "злобу" в таком отношении можно назвать и "святой"¹³ Объяснение дает целый контекст поэмы, из которого выясняется, что разрушение идет во имя будущего обновления жизни и человека, оно является исходным пунктом для вдохновения".

Изображение "черного неба" и "черной злобы" следует вслед за вопросом: "Что впереди? /II. 315./". Символические образы указывают таким образом, с одной стороны, на непроглядный хаос и идущее от него разрушение, а с другой стороны, -- дают перспективу с помощью эпитета "святая": "впереди" -- "святая злоба".

В статье "Каталина", написанной Блоком в мае 1919-ого го-

да, поэт утверждает, что "революция, как все великие события, всегда подчеркивает черноту" /IV. 289./. А чернота, "мрак" связывается со злобой: "...весь народ, ... скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто -- злобе" /"Интеллигенция и Революция" IV. 233./.

Черная злоба, стихийность управляет действием Петьки, когда он убивает Катьку. Но и Катька захвачена любовной страстью, хотя Блок в письме к Анненкову подчеркивает детскость, чистоту, красоту, доброту и народный характер /"толстомордность"/ женского образа /VI. 286./. Именно поэтому смерть Катьки можно истолковывать как жертву движения народной стихии вперед, как уничтожение красоты.

В набросках к пьесе о Христе образ "Иисуса-художника" освещается двояко: "не мужчина, не женщина" /V, 232./, "он все получает от народа" /V. 233./, его характеризует "женственная восприимчивость" /V. 233./.

Между образом Христа и образом Катьки возникает ассоциативная связь при возвращении мотива жемчужности: "Зубки блещут жемчугом" /II. 317./, в связи с Катькой и "Снежной россыпью жемчужной" /II. 323./, в связи с Христом, а также при возвращении мотива пролитой крови. Таким образом, их роднит красота, чистота и страдание. Страдание Катьки подчеркивает Блок в письме к Анненкову, где он пишет об иллюстрации, изображающей Катьку: "Хорошо тоже, что крестик выпал" /VI. 286./. "Кровавый флаг" в руке у Христа дает высокое значение страданию и жертве не только в связи с судьбой Христа-художника, но и в связи с "русской девкой" /VI. 286./ -- Катькой. В отличие от Катьки Христос сам жертвует собой для других с целью рождения нового человека, обновления жизни. Он как художник синтезирует в себе женское начало, которое носит в себе возможность рождения новой жизни, и мужское начало, готовое к уничтожению самого себя, к самопожертвованию.

С образом Христа связываются в поэме Блока не символы, принятые в католической или православной иконографии: Христос появляется "в белом венчике из роз", а не в терновом венце¹³, у него

в руке "кровавый флаг", а не крест. Розы чаще всего изображаются в иконографии в связи с образом Мадонны. И в поэме Блока они имеют значение чистоты, красоты и жизнеутверждения, и непосредственно указывают на "женственную" сторону образа. В то же время "кровавый флаг" выражает "мужское начало" -- страдание, самопожертвование, -- и одновременно выступает в качестве "зова", как в "Розе и Кресте" художник Гаэтан действует как "чистый зов". Но Гаэтан только поет о новой гармонии -- "Радость - Страдание одно! /III. 210./ -- а сам остается неизменным, не действует. Идею Гаэтана "вносит во внешний мир" со своей жертвенностью только художник Христос.

Призрачность¹⁴ образа Христа и призрачность Гаэтана имеют разные источники. Иисус Христос действует как художник, отрицая темное старое, он утверждает бытие /белый цвет является символом бытия/, создает новый космос ценой потери жизни. В этом смысле он выступает как человек. Но синтетический его образ имеет и божественное начало, поэтому он не захвачен стихиями, как природа и человек, он "над" вьюгой. Его образ остается для Блока символом "вестника нового мира" /IV. 276./, который связан с революцией, с созданием гармонии на новом пути развития человеческой истории, и который появляется всегда, когда человечество доходит до определенной фазы развития: "... мы знаем, что существуют религия, наука, искусство, что происходят события в жизни человечества: бывают мировые войны, бывают революции, рождается Христос", -- пишет он в "Каталине" /IV. 289./.

Но осуществить гармонию в мире, в действительности предстоит живым людям. В поэме их представляют "двенадцать", идущие вслед за Иисусом Христом, которые при движении вперед, очищаясь через страдание и жертву от "черной злобы", становятся "апостолами" революционной эпохи. Заглавие поэмы -- "Двенадцать" подчеркивает значение общечеловеческого, народного в противоположность единичного, хотя и значительного, символического образа Христа. Таким образом, в центре поэмы -- носители идеи эпохи, преобразующие сами себя и жизнь, осуществляя идею движения массы. Преобразование, движение оказывается для Блока усиливающей

ся тенденцией эпохи:

"Только -- полет и порыв, лети и рвись, иначе -- на всех путях гибель.

/.../ Россия заразила уже здоровьем человечество. Все догматы расшатаны, им не вековать. Движение заразительно" /V. 239./ -- пишет он в дневнике скоро после окончания поэмы.

Примечания

1. Э.Г. Минц. Блок и русский символизм. В: Литературное наследство. т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. первая, М., с. 144.
2. Александр Блок -- Андрей Белый. Переписка. М., 1940, с. 43--44.
3. Ср.: "Предисловие" к лирическим драмам. III, с. 384.
4. Здесь и далее ссылки на произведения А. Блока даются по изданию: Александр Блок. Собрание сочинений в шести томах. Л., 1980--1983.
5. Э.Г. Минц. Ук. соч., с. 148.
6. Е.Г. Эткинд. Композиция А. Блока "Двенадцать". Русская литература. 1972/1, с. 49--63.
7. Л. Долгополов. Поэма Александра Блока "Двенадцать". Л., 1979, с. 56.
8. О стихийной основе народной души Блок высказался раньше в статье "Поэзия заговоров и заклинаний".
9. В конце первой главки такое значение возвращается с эмоциональным оттенком, подчеркивая с помощью повтора эпитета характерное свойство ночи -- темноту: "Черное, черное небо". /II. 315./.
10. А. Белый. Священные цвета. В: Арабески. М., 1911, с. 115.
11. А. Белый. Ук. соч., с. 115.
12. М. Пьяных. Слушайте революцию. Поэзия Александра Блока советской эпохи. М., 1980, с. 49.
13. Нельзя согласиться с мнением Долгополова, который утверждает, что "... у Христа не традиционный терновый венец с иглами, а венок из цветов, -- проблема страдания и жертвы снимается поэтом, не она его интересует. Жизнеутверждение и святость -- вот о чем... говорит белый венчик из роз в "Двенадцати" /Л. Долгополов. Ук. соч., с. 79./ Венчик из роз -- хо-

тя он тоже имеет шипы-иглы -- ассоциируется и для нас с жизнерадостью, но жизнеутверждение дается ценой утраты, жертвы, страдание остается, не "снимается".

14. Ср.: "Но иногда сам глубоко ненавижу этот женственный при-
зрак". /V. 246./